

К 72-й годовщине освобождения города и района от немецко-фашистских захватчиков

ВСЕЙ ДУШОЙ ПРОКЛИНАЮ ВОЙНУ!

В середине апреля нынешнего года электрики спилили дуб на территории моей усадьбы в деревне Коситчино, где я родилась и выросла и где до сих пор летом проживаю в родительском доме, уцелевшем ещё с довоенной поры. Дуб был посажен мною 23 года назад в память о моих односельчанах, погибших от рук фашистов. Дуб защищал дом от сильных ветров, он давал жёлуди, под ним росли грибы. С его ветвей на соседние яблони прыгала белка. Не передать словами моральные страдания. Кому помешало это великолепное дерево, символ вечной памяти, непонятно?

Не так давно, благодаря чуткому вниманию со стороны настоятеля храма из села Новоспаское протоиерея Николая Алексеевича Привалова в Коситчино был открыт памятник на месте сожжения румынскими фашистами 15 раненых советских бойцов. Это случилось в июне 1943 года и я, шестилетняя девочка, была тому свидетелем. Это были молодые, сильные парни, они защищали свою родину, свой народ. Надеюсь, что поисковики под руководством Валерия Васильевича Громова когда-нибудь установят имена сгоревших солдат. Насколько мне известно, под деревней Тихоновкой, что находилась рядом с нами, был сбит советский самолёт, лётчика немцы схватили, привезли в Коситчино и поместили в доме, где находились раненые, в котором забили окна и двери досками, облили бензином и подожгли.

Война... Сколько твоих глубоких отметин осталось в моём маленьком детском сердце, которые до сих пор болят. Прошлое врезается то светлыми, то грустными картинками. Они будто вспышки света.

... Тёплый солнечный день, небольшой пруд у берега речки, на его водной глади росли лилии и жёлтые кувшинки. Мама учит ходить младшую сестрёнку Зину. На сестре чёрное ситцевое платьице с оборкой вместо воротника. Это моё первое воспоминание о детстве. Впоследствии мама удивлялась, как я могла это помнить, когда мне было всего 3 годика. А я отвечала, что незабыта две длинные гряды лука и что в хате было три окна и где стояла кадка с водой. Мы жили на хуторе: отец, мать и нас пятеро сестрёнок. По закону глава семьи имел право на 12 гектаров земли, но у отца был брат, который уехал в Москву, а свою землю отдал папе. И так получилось, что у нас было 24 гектара земли, а ещё несколько лошадей, пчёлы. В 1939 году всех хуторян согнали в колхоз. Все должны были со своим скарбом и домом переехать на новое место жительства. Дом построил отец сразу после женитьбы. В ту пору ему был всего 21 год, а маме — 17. Отец, его звали Григорий Иванович, царство ему небесное, был неутомимый труженик, хороший семьянин. Очень любил маму, во всём ей помогал. Дом, по деревенским меркам, был просторный: спальня, русская печь и подполье, остальное — одна большая комната, в углу — образа, в передней части — лавка вдоль окна. Далее — сени, чуть меньше чем жилая половина. Из сеней одна дверь вела на улицу, крылечко в три ступени, другая дверь — во двор. Это был чудесный дворик. Слева, почти примыкая к дому,

стоял сарай. В нём были бревенчатые закрома вдоль стен: в одном помещалась рожь спелая, в других — овёс, пшеница. Рядом стояли кадки с орехами, мёдом... И вообще, чего только не было. Далее шёл сарай с сеном. Помню, как утапывали его, сухое и душистое. Внутренняя дверь из сарая вела в коровник. Пространство между сараями занимал хлев со свиньями, а над ним был насест с курами. Трудно теперь представить, когда отец успел всё это построить. Ведь он успел побывать и на Финской войне.

На новом месте у нас было 45 соток земли, одна корова и один конь. Всё остальное было конфисковано. Помню, что у нас был чудесный сливовый сад. Под окном бушевали сирень и розы. В хозяйстве были овцы, и всё наше семейство зимой ходило в тулупах. Сеяли лён, вручную выбирали его из земли, собирали в снопы и обмолачивали.

Всё время пытаюсь вспомнить что-либо об отце. Вот он уходит на войну. Ему шёл сорочек первый год, высокий, красивый, чёрные как смоль волосы, усы, добрые глаза, в чёрной сатиновой косоворотке. Очень переживал за мать и детей: как они без него. Ведь старшей дочери было всего 15, а младшей — годик. Мама рыдала. Сел отец в телегу и уехал навсегда. В 1943 году пришла похоронка.

До войны не было ни света, ни радио, только телефонная связь у начальства. По гулу самолётов и всполохам на небе, как в грозу, все понимали — война приближается к родным местам.

В один из солнечных летних дней со стороны большака в деревню, в которой остались женщины, старики и дети, въехали немецкие мотоциклисты, а затем на машинах — солдаты, которые заняли наш дом. Нас выгнали на улицу. Сосед, чудесный старик Иван Михайлович Сорокин, вырыл землянку для всех, кого выгнали на улицу, которая получилась тёплой и сухой. Немцы активно занялись перестраивать родительский дом для постояльца-офицера. Прошло более 70 лет, а штукатурка, петли дверей, рамы на окнах до сих пор сохранились.

Помню двух высоких немецких офицеров. Одного звали Франц, другого, рыжеватого — Рихард. Однажды они ехали по дороге и наскочили на мину. Партизаны не дремали. Один офицер погиб, другой был ранен. Убитого похоронили в деревне. И было открыто немецкое кладбище. Много врагов осталось лежать в земле.

Помню, как к нам из Рославля приехала тётя Лена со своей дочерью, красавицей

Зиной. Её муж был командиром партизанского отряда. Жители хоть и сами жили впроголодь, но помогали партизанам с едой. Я была не раз свидетелем тому, как мама передавала хлеб и картошку народным мстителям. За связь с партизанами нас всех фашисты могли и расстрелять.

В 1943 году началась жуть, после того, как в деревню приехали эсэсовцы.

Не забыть, как в начале лета всех деревенских согнали к дому, где находились наши тяжелораненые бойцы, забили все окна и двери и подожгли. Пламя вспыхнуло мгновенно. До сих пор в ушах стоит страшный стон. Женщины стояли бледные, слёзы капались из глаз ручьём. Даже дети стояли как

прикованные. От дома и людей остались одни головешки.

Потом нас погнали из деревни. Особенно усердствовали полицаи. Один из них — бывший царский генерал, который отсидел 25 лет в советских лагерях. Детей посадили на телегу, запряжённую коровой, взрослые шли пешком. Немцы были верхом на лошадях и с собаками. Ехали мимо бывшего имения Глинок. Потом был лагерь, нас загнали за колючую проволоку. Немцы искали молодых парней. Соседа Васю мы одели в женское платье.

А когда нас освободили, вернулись домой. Родительский дом уцелел, но оказался до отказа набит погорельцами. Ни одежды, ни обуви, ни еды. Мыла не было, началась чесотка. Мама мазала нас голых дёгтем и сажала в протопленную печь, а потом отмывала.

За зиму после освобождения опухли от голода, сами были худые, а животные большие. Весной, как только оттаивала земля, ходили собирать по полю прошлогоднюю раскисшую картошку. Из неё пекли лепёшки. Какими они нам казались вкусными. Ели лебеду, цветы клевера, щавель. Шёл 1944 год. Начали возвращаться мужчины. Из 30 домов набралось двое здоровых и двое инвалидов. Ждали и мы отца, но пришла похоронка: погиб под Ленинградом.

Обуви не было, научились плести лапти. В школе начинали писать на берёзовой коре, ни бумаги, ни ручек.

В 1949 году провели к нам радио, электричество — после смерти Сталина.

Как мама умудрилась прокормить нас пятерых — чудо из чудес. Однажды мама подзывает меня и надевает новое бордовое байковое платье. Сразу жить захотелось. У меня и фотография сохранилась, где я стою в этом платье с младшей сестрой.

Профессиональная поэтесса Вера Антонова на основании моих детских воспоминаний написала весьма эмоциональное стихотворение о том, что мне довелось пережить, которым я и хочу закончить своё повествование.

Александра Григорьевна Амелина,
деревня Коситчино.

Шестилетний узник

Деревня Коситчино, что на Смоленщине, Была в оккупации долгих три года, Тяжёлая доля и детям, и женщинам Досталась, пока не вернулась свобода. Вовек не забыть, как закрыли в овине Семнадцать пленённых солдат полицаи, Связали, избили, облили бензином, Чтоб сжечь их живыми в том старом сарае. А жителей — женщин, детей, стариков Согнали на площадь, сказали, что будут Десятки и сотни таких же костров Пылать для противников рейха повсюду. Сарай охватило взбешённое пламя, В нём люди кричали, стонали и выли, Те страшные крики все жилы нам рвали, Ни я, ни родные тот день не забыли.

Мы молча стояли, лишь мокрые лица От слёз выдавали наш гнев и проклятья, Которые мы посылали убийцам За их жесточайшее мероприятие. Потом полицаи всех женщин, детишек В ближайший концлагерь с собаками гнали, Евреев, больных, как балласт и излишек В пути на глазах у детей убивали. Мы в лагере жили три месяца с лишним, Но чётко не помню что ели, где спали. Я обыски помню, «колючку» и вышки, И радость, когда мы свободными стали. Вот так шестилетним ребёнком узнала Я ужасы, смерть, пребыванье в плену, Невзгоды и горе с лихвой испытала И всею душой проклинаю войну.

Вера Антонова.

Ельня — 865 лет

Ельня старинная. Ельня современная

23 декабря 1775 г., 240 лет назад, был образован Ельнинский уезд (в составе Смоленской губернии, с центром в Ельне. А 27 марта (н.ст.) 1780 года, спустя пять лет, Указом Екатерины был утверждён новый план уездного города Ельни, который в центральной части и на Заречье сохранился до нынешнего времени. Причём, планировка такая же, как в бывшей столице Российской империи — Санкт-Петербурге.

С тех пор прошло не одно столетие. Ельня стала знаменитым на весь мир городом, где в сентябре 1941 года гитлеровские войска впервые потерпели поражение. Об

этом писали на первой полосе крупнейшие газеты ведущих стран мира. Ельня теперь с честью носит почётное звание «Город Воинской Славы». Ельня стала символом

Великой Победы над фашизмом и останется им в веках.

Город наш хорошеет с каждым годом. К примеру, 30 лет назад, 1 июня 1985 г., на улице Пролетарской была открыта новая пятиэтажная больница. В 80-х годах появился современный районный Дом культуры, было построено уютное здание детской музыкальной школы имени М.И.Глинки. Каждый год асфальтируются улицы городка над Десной. Нынешним летом кар-

динально преобразилась площадь имени М.И.Глинки (на снимке).

Рядом с современной архитектурой гармонично соседствует и старина-матушка. Два здания, находящиеся друг против друга на пересечении улиц Первомайской и Советской, построены ещё до Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года. Тому что слева на фотоснимке — два века, оно принадлежало когда-то купцу Морозу. В конце авгу-

ста 1825 года, ровно 190 лет назад, здесь ночевал император России Александр I во время его поездки в Крым.

А на фронте двухэтажного здания, что справа на снимке, есть надпись — 1909 год. Сейчас в нём располагается Центральная районная библиотека.

Ельнянцы верят, что город Воинской Славы будет хорошеет и дальше, потому что героическая гвардейская земля, где не раз в прошлом решалась судьба России, того заслуживает и должна выглядеть достойно.

Михаил КОЗЛОВ.
/Фото автора.

На снимках: два старинных здания по-прежнему украшают Ельню; площадь Глинки.

